

ИГОРЬ СИКОРСКИЙ

Петр
Образцов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Петр Алексеевич Образцов
Игорь Сикорский
Серия «Жизнь замечательных
людей (Молодая гвардия)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67612145

Сикорский:

ISBN 978-5-235-04628-3

Аннотация

Игорь Сикорский не изобретал вертолет, зато создал семейство лучших в мире вертолетов, на которых почти во всех войнах XX и XXI веков перевозили морских пехотинцев и врачей, почту и средства тушения пожаров, негабаритные грузы и обычных пассажиров – и даже президентов США. В России этот русско-американский гений создал первые в мире огромные многомоторные самолеты «Русский Витязь» и «Илья Муромец», а в Америке, где его почтительно называли Мистер Геликоптер, – необыкновенные гидросамолеты, пересекавшие Атлантику и Тихий океан еще до Второй мировой войны.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Петр Образцов Сикорский

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Образцов П. А., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

Предисловие

Игорь Иванович Сикорский впервые в мире создал гигантские многомоторные самолеты и уникальные вертолеты, поэтому его иногда называют изобретателем этого типа летающих аппаратов тяжелее воздуха. Первые почти 30 лет своей жизни он прожил на своей родине, в Российской империи, следующие 54 года жил и успешно работал в США и сделал для этой страны так много, что несколько в тени остались его замечательные достижения, которыми он обогатил Россию, – фантастические для своего времени многомоторные тяжелые самолеты. Однако за границей он прославился благодаря своим вертолетам и через пару десятилетий после первых не слишком удачных машин стал ведущим вертолетчиком мирового класса.

Рассказывая о знаменитом авиаконструкторе и об авиации вообще, трудно удержаться от пафосных выражений вроде «Как велика роль авиации в жизни современного человека!». Особенно велика в жизни современного человека – и, к сожалению, в смерти – роль военной авиации, которой в основном и занимался выдающийся русско-американский авиаконструктор Игорь Сикорский. Лучше всех об этом написал американский писатель Рей Брэдбери, и рассказ его хочется процитировать, разумеется, с некоторыми сокращениями.

Итак, рассказ «Человек в небе»:

«Император взглянул на небо.

А в небе был человек, и он смеялся на такой высоте, что его смех был едва слышен; и этот человек был одет в разноцветную бумагу и тростниковый каркас, образующий крылья и великолепный желтый хвост, и он парил высоко над землей...

И человек закричал с высоты, в прохладном утреннем воздухе:

– Я летаю, летаю!

Император Юань не шевельнулся. Он глядел на Великую Китайскую стену, только сейчас начавшую выходить из тумана среди зеленых холмов; на этого чудесного каменного змея, величаво извивающегося среди полей. На прекрасную стену, с незапамятных времен охраняющую его страну от вражеских вторжений, несчетные годы защищающую мир.

Зашуршала бумага, захрустел тростник, и летающий человек опустился на землю. Он гордо приблизился к императору и поклонился, хотя с его нарядом ему было неудобно кланяться. Император протянул свою тонкую руку, прикоснулся к разноцветной бумаге, к птичьему корпусу машины. От них пахло холодным ветром.

– Разве она не прекрасна, государь?

– Да, слишком даже прекрасна.

Император хлопнул в ладоши.

– Позвать палача, – приказал император.

– Но бывает и так, – продолжал император печально, – что человеку приходится жертвовать чем-нибудь прекрасным, дабы сохранить то прекрасное, которое у него уже есть. Я не боюсь тебя, но боюсь другого человека. Кто может сказать, что когда-нибудь такой человек не взлетит к небу в такой машине из бамбука и бумаги и не сбросит огромные каменные глыбы на Великую стену?

– Отрубить ему голову! – приказал император».

Здесь все верно, знаменитый фантаст Рей Брэдбери отлично знал, что первые управляемые летающие аппараты тяжелее воздуха появились именно в Китае. И у изобретателей аппаратов была нелегкая судьба, часто причиной их гибели была злая воля императора или президента. К счастью, Игоря Ивановича Сикорского такая судьба миновала, он «всего лишь» был вынужден покинуть родину. Первую, как теперь выражаются, малую родину – Киев, и большую, то есть страну Россию. Но обрел вторую – Америку, где его стали называть Мистер Геликоптер.

И действительно, в общественном сознании давно утвердилось мнение, что Игорь Иванович Сикорский изобрел вертолет и этим прославил себя и страну своей эмиграции – Америку. Это не так, он не изобретал вертолета, хотя первые его аппараты вертикального взлета действительно были прообразами знаменитых в будущем машин. Но для развития вертолетного движения он сделал действительно очень много, и для описания его вклада в вертолетное дело надо

сначала рассказать, что такое вертолет – один из видов летательных аппаратов тяжелее воздуха.

Аппаратов легче и тяжелее воздуха человек придумал множество видов: воздушные шары, дирижабли, аэростаты, воздушные змеи, вертолеты, самолеты, ракеты, планеры, дельтапланы, дроны. Самыми первыми, но еще непилотируемыми аппаратами тяжелее воздуха были воздушные змеи и китайские самолетики и вертолетики из бумаги, бамбука и перьев. В китайских хрониках появление таких вертикально взлетающих аппаратов отмечено 400 годом н. э. (династия Чжоу) – именно этот год указывает и Брэдбери в своем рассказе.

Всерьез за создание вертолета взялся в эпоху Возрождения великий Леонардо да Винчи. Он спроектировал, точнее, просто нарисовал самый настоящий аппарат вертикального взлета – взлетающий винт. И подписал свой известный рисунок так: «Я полагаю, что если это устройство винта правильно изготовить, то есть если винт сделать из льняной ткани и поры ткани пропитать крахмалом, а за счет механизма придать быстрое вращательное движение винту, то это устройство поднимется в воздух».

Но какой механизм для вращательного движения винта имел в виду Леонардо да Винчи? Оказывается, этим механизмом стали бы сами пилоты его «винтолета», которые помещались бы под винтом на огромном диске и должны были бегать по кругу и раскручивать винт за специальные палки,

толкая их перед собой снизу винта. Построить свой агрегат Леонардо даже не пытался, и правильно: зачем лишние разочарования?

Зато наш великий соотечественник Михаил Ломоносов через 250 лет после Леонардо предложил использовать для вертикального подъема конкретный механизм, а именно часовую пружину, и даже построил его. В этом механизме спущенная пружина раскручивала сразу два винта (пропеллера) в противоположные стороны, и по идее вся конструкция должна была взлететь. Причем не просто так, а с конкретными целями измерения температуры и давления на значительной высоте в небе. Для этого конструкция снабжалась градусником и барометром. Она не взлетела, но на два золотника (8,5 грамма) облегчилась – вес конструкции измерялся на обычных весах. Любопытно, что Ломоносов додумался до соосной схемы с двумя винтами, вращающимися в противоположные стороны. Вот это действительно великолепная идея, и вертолеты соосной схемы сейчас успешно соперничают с вертолетами с одним несущим винтом.

Появление и развитие паровых машин надоумило изобретателей использовать их в качестве двигателей для прообраза вертолета. Первым это сделал француз д'Амекур, и получился очень даже красивый аппарат высотой с письменный стол, который хотя и не летал, но зато весело вращал винтами, крутящимися в разные стороны. Именно д'Амекур придумал первый вариант шестереночного механизма, заставля-

ющего надетые на одну ось винты вращаться в противоположные стороны. Было это в середине XIX века, аппаратик он назвал аэронефом (то есть «винтокрыл»).

Вскоре началось бурное развитие электрических двигателей, и в 1869 году россиянин Александр Лодыгин придумал оснастить будущий вертолет электродвигателем, но это была довольно безумная идея, потому что размеры и вес тогдашних аккумуляторов были слишком велики. На электромоторе вертолеты не летают и сейчас, за исключением их моделей. Вертолет впервые поднялся в воздух, когда появился двигатель внутреннего сгорания (ДВС).

Впервые на бензиновом ДВС в 1903 году полетел самолет братьев Райт. А еще через четыре года состоялся первый в истории полет, хотя точнее было бы сказать *взлет*, вертолета. Причем у этого вертолета было целых три изобретателя: братья Жак и Луи Бреге и профессор Сорбонны, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине Шарль Рише.

Это произошло осенью 1907 года. Построенный парижанами вертолет был довольно тяжел и весил около 600 килограммов, однако сейчас его следовало бы назвать скорее моделью вертолета. Аппарат взлетел на привязи, почти как современная кордовая модель самолета, но даже этим кордом (шнуром) не управлялся в ходе своего короткого, меньше минуты, полета. Первый искусственный вертолет, или жироплан, как называли его изобретатели, имел четыре огромных винта с восемью лопастями на каждом и взлетел при этом

всего на полтора метра, но очень важно, что этот полет был обеспечен работой самолетного бензинового двигателя «Антуанетт».

Как это обычно и бывает, после успешного взлета первого такого аппарата вертолетостроение стало развиваться быстрыми темпами. Уже через пару месяцев состоялся первый *пилотируемый* полет вертолета, причем в определенной степени еще и управляемый. Сделал это другой французский изобретатель Поль Корню, до того прославившийся как мастер по усовершенствованию обычных велосипедов. Этот полет тоже длился недолго, буквально полминуты, и состоялся на смехотворной высоте – полметра, однако месяце Корню догадался пристроить к нижней части своего аппарата некие металлические плоскости, которые позволили ему управлять полетом.

В течение последующих нескольких лет теоретические проблемы вертолетного движения в основном были решены, несмотря на Первую мировую войну. Но еще до ее начала свои первые вертолеты построил студент Киевского политехнического института Игорь Сикорский.

Глава 1

Появление героя

Игорь Иванович Сикорский родился 25 мая (6 июня по новому стилю) 1889 года в Киеве. Посмотрим, какие общемировые события в политической и научной областях происходили в этом году, причем отметим только такие, которые в будущем оказали значительное влияние на жизнь Игоря Сикорского.

Итак.

3 января 1889 года от сербского престола отрекся Милан Обренович, и на престол вступил его сын Александр. Этот король и его бездетная супруга Драга, которая неумеренно вмешивалась в государственные дела, были зверски убиты в результате заговора офицеров белградского гарнизона. В Сербии воцарилась династия Карагеоргиевичей, первым из них был Петр I. Именно его «либеральная» политика привела к поощрению сербского национализма и убийству австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда. В результате началась Первая мировая война, на фронтах которой блестяще проявили себя огромные самолеты Игоря Сикорского.

30 января покончил жизнь самоубийством (или был убит) кронпринц Рудольф, наследник престола Австро-Венгрии. Рядом с его телом было найдено тело его любовницы баро-

нессы Марии Вечеры. Скорее всего, со временем ему бы передал трон Австро-Венгерской империи его отец, но этого не случилось, и в империи продолжал царствовать Франц Иосиф I, которому к 1914 году исполнилось 84 года. Престарелый монарх с подачи своих амбициозных министров вверг Европу в Первую мировую войну.

2 апреля в Париже была открыта для посещений Эйфелева башня в качестве входной арки парижской Всемирной выставки 1889 года. С башни неоднократно прыгали изобретатели парашютов, один из которых погиб. Российский же парашют успешно испытывался на Комендантском аэродроме в Санкт-Петербурге, в том числе с аэропланов конструкции Сикорского.

28 сентября Генеральная конференция по мерам и весам приняла систему мер, основанную на метре, килограмме и секунде. Игорь Сикорский пользовался ею в России, в Америке ему пришлось с трудом переходить на англо-американскую систему мер с дюймами и фунтами.

Но вернемся к его биографии. Будущий великий авиаконструктор был пятым ребенком в семье профессора Императорского университета Святого Владимира, доктора медицины, врача-психиатра Ивана Сикорского и при крещении получил имя Игорь. У него были три сестры: Лидия, родившаяся в 1874 году, Ольга (родилась в 1876 году) и Елена, родившаяся в 1879 году. А еще был любимый старший брат Сергей, который стал морским офицером и погиб в 1914 го-

ду на потопленном немцами крейсере «Паллада».

Его мать Мария Стефановна принадлежала к старинному дворянскому роду Темрюк-Черкасовых, также обучалась медицине, увлекалась работами Леонардо да Винчи и много рассказывала сыну о нем и его изобретениях. Впрочем, у отца время для него тоже находилось, и он решил сделать из своего сына гения. Мальчик рано научился читать, играл на пианино, любил живопись и сам неплохо рисовал. Став постарше, увлекся химией и однажды провел в саду возле дома опасный эксперимент по синтезу нитроглицерина, подробно описанный в его любимой книге «Таинственный остров» Жюль Верна. Эксперимент закончился взрывом, но, к счастью, никто не пострадал.

К сожалению, больше никаких подробностей о детстве нашего героя узнать не удастся. И в автобиографии Игорь Иванович об этом почти ничего не пишет.

Отец строго следил за развитием одаренного сына, стараясь, впрочем, его не перегружать, говоря, что длительная тяжелая работа, как физическая, так и интеллектуальная, во все не вредна для здоровья, если разумно сочетать ее с отдыхом.

Из многочисленных работ Сикорского-отца некоторый интерес вызывают работы по поводу заикания, однако прославился он далеко не только своими психиатрическими успехами. Потому расскажем о нем более подробно.

Глава 2

Отец знаменитого сына

Иван Алексеевич Сикорский, будущий известный психиатр, родился в 1842 году в селе Антонов Сквирского уезда Киевской губернии, стоящем на реке Березянка, в семье священника Благовещенской церкви Алексея Сикорского и его жены Елены.

Старший преподаватель Института истории СПбГУ Антон Чемакин цитирует биографию Ивана Алексеевича: «Семья была большая – шесть сыновей и шесть дочерей, и Иван Алексеевич был шестым. С самого раннего детства он отличался вдумчивостью, был серьезен, мало принимал участия в играх братьев и сверстников. Очень рано, почти самостоятельно, научился читать и читал по целым дням. Книг в то время, в особенности в деревне, в бедной семье священника, было немного, и Иван Алексеевич читал все книги, какие мог найти: молитвенники, календари, учебники. Любимой его книгой была – “Басни Крылова”, которыми он увлекался, читал вслух братьям и сестрам, оттеняя мораль басни». На переезд в Киев отец дал Ивану 15 рублей и – удивительная подробность – самовар.

Усердный юноша начал учиться в Киево-Софийском духовном училище, и на этот факт стоит обратить особое вни-

мание, потому что в том же училище позже учился двенадцатилетний Андрей Ющинский. О его убийстве, процессе Менахема Бейлиса и роли эксперта Ивана Сикорского на этом процессе мы подробно расскажем далее.

После окончания училища Иван Сикорский поступил в Киевскую духовную семинарию, собираясь поначалу посвятить себя духовному поприщу, однако вскоре увлекся изучением естественных и гуманитарных наук, к огорчению родителей, ушел из семинарии и экстерном сдал экзамены в Первую киевскую гимназию. Позже в этой же гимназии будет учиться и его знаменитый сын Игорь Сикорский. Затем Иван поступил на физико-математический факультет Киевского Императорского университета Святого Владимира, но вскоре перевелся на медицинский факультет.

В 1869 году Иван Сикорский с отличием окончил университет и был оставлен при нем для подготовки к получению профессорского звания. Через три года он получил степень доктора медицины, защитив диссертацию «О лимфатических сосудах легких» (не так давно эта работа поступила в Российскую государственную библиотеку). Решив специализироваться на изучении патологии душевных и нервных болезней, он переезжает в Санкт-Петербург и устраивается на должность приват-доцента Императорской медико-хирургической академии. В 1880 году 38-летний Иван Сикорский назначается чиновником по особым поручениям при Главном управлении военно-учебных заведений с оставлением

на службе в Медицинском департаменте МВД.

После создания в 1885 году в Киевском Императорском университете Святого Владимира кафедры систематического и клинического учения о нервных и душевных болезнях он вернулся в Киев и с 1889 года стал ординарным профессором на этой кафедре. Вскоре Иван Сикорский основывает журнал «Вопросы нервно-психической медицины и психологии».

Иван Сикорский стал одним из основоположников детской психологии и психопатологии, организовал Врачебно-педагогический институт для умственно-отсталых детей, а в 1912 году открыл первый в мире Институт детской психопатологии. Именно он практически первым в российской науке начал изучать детей с отклонениями в развитии и выпустил фундаментальный труд «О заикании». «Из всего обширного учения о здоровой и больной душе, которому Иван Алексеевич посвятил себя, его, в частности, глубоко интересовала детская душа, еще мало изученная и не понимаемая в то время, и Иван Алексеевич с жаром и энергией отдался этой животрепещущей отрасли», – пишет его биограф в предисловии к «Книге жизни» Ивана Сикорского. Этим биографом был его сын Игорь Сикорский.

В 1896 году для борьбы с алкоголизмом в Киеве было создано Юго-Западное общество трезвости, и Сикорский был выбран его председателем. Надо заметить, что время от времени это общество предпринимало анекдотические дей-

ствия для отучения русского человека от водки. Например, общество уговорило Киевскую городскую думу установить на пяти главных базарах города обогреваемые павильоны, в которых граждане, пришедшие за продуктами, вместо алкоголя пили бы чай из самовара.

Немедленно вспоминается Манилов из «Мертвых душ», который мечтал «чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян». Но киевские думцы, явно не читавшие Гоголя, согласились на предложение Ивана Алексеевича, и зимой 1897 года открылась первая чайная на Сенной площади, кстати, рядом с домом самого Сикорского.

В духе того (а теперь и нашего) времени чайную перед открытием освятили, а потом Иван Алексеевич произнес речь, в которой заявил, что алкоголизм суть особо жестокое зло, ибо: «Подрывает здоровье и силы одного из лучших и благороднейших народов земли – народа русского». Заметим, что на открытии этого заведения присутствовали член Госсовета граф Игнатъев, городской голова Стефан Сольский и даже дамы, члены Юго-Западного общества трезвости.

Иван Сикорский стал председателем и Психиатрического общества, и Общества покровительства лицам, отбывшим наказание, и детям бесприютным, а также членом (это важно в свете его увлечения богословием) Киевского общества Нестора-летописца (в 1930 году ликвидированного больше-

виками). Он был невероятно трудолюбив и скромен в быту. Его биограф пишет: «Чрезвычайная воздержанность была отличительной чертой Ивана Алексеевича. Он не пил, не курил, не играл в карты, не сидел на мягкой мебели, питался самыми простыми и незатейливыми кушаньями. Про него говорили, что у него 36 часов в сутках, так много он успевал сделать».

В начале 1910 года у Сикорского начались проблемы со здоровьем, причем самым «неприятным для него было несчастье заболеть той самой болезнью, от которой он лечил других». Речь шла о тяжелом невралгическом заболевании. Через четыре года немецкая подлодка потопила крейсер «Паллада», при этом погиб весь экипаж и в том числе его сын – подполковник военно-морского судебного ведомства Сергей Иванович Сикорский. Это ускорило протекание заболевания.

Под Рождество 1915 года Иван Сикорский окончательно слег и уже только из дома наблюдал, как его любимый Киев переходит под власть сначала украинской Центральной рады (во главе с Михаилом Грушевским), затем большевиков, потом петлюровцев, снова большевиков, затем немцев вместе с петлюровцами, потом гетмана Украинской державы Скоропадского – тоже вместе с немцами.

Иван Алексеевич Сикорский умер в начале 1919 года, за два года до окончательного утверждения на Украине советской власти. Но еще до этого, в период первого захвата Киева

большевиками, были расстреляны многие члены Киевского клуба русских националистов. 77-летнему Сикорскому «повезло», он умер в своей постели, и когда в его квартиру ворвались наконец-таки чекисты, они увидели лишь гроб, стоявший на столе. При ином исходе ему вряд ли простили бы позорное участие в деле еврея Бейлиса, о котором мы вскоре подробно расскажем – руководство киевской ЧК в значительной мере состояло из евреев.

Иван Сикорский собрал огромную библиотеку, в которой было 13 тысяч книг на русском, французском, английском языках, а также на латыни. Эту библиотеку незадолго до смерти он подарил своей альма-матер – Киевскому университету Святого Владимира. Иван Алексеевич был широко известен в Киеве и дружил со многими представителями киевской интеллигенции. Например, со знаменитым художником Виктором Васнецовым, который расписывал Владимирский собор и, по легенде, придал образу евангелиста Иоанна черты Сикорского.

Как психиатр, он стал широко известен, а его труды переводились на немецкий, французский, английский и многие славянские языки, его избрали почетным членом многих российских и зарубежных научных обществ. Он написал множество трудов по психиатрии, о борьбе с алкоголизмом, работе с трудными детьми, расовом вопросе и национализме. В его знаменитой книге «Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении» наиболее яр-

ко представлены взгляды Ивана Алексеевича на объект его самой знаменитой деятельности – русофильство и разоблачение еврейского заговора против русского народа. Сикорский считал: «Националисты во всех странах – это такие люди, которые хотят показывать душевные качества и духовную мощь своего народа». Он написал и несколько других работ о национализме, хотя особой научной ценности они не представляют. Иван Алексеевич был сторонником рассмотрения наций с расовой, даже больше – с биологической позиции. Не скрывал Сикорский и своего антисемитизма.

В своей книге «Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении» Иван Сикорский связывает психические способности рас и народов с их антропологическими признаками. В одной из глав раздела «Данные из антропологии» он пишет: «Антропология может... содействовать выяснению некоторых чисто научных, теоретических проблем, которые сближают... науку о физических свойствах человека с наукой о душе».

И вот какие выводы он делает в главе «Психические особенности рас», например, о неграх: «Черная раса принадлежит к наименее одаренной на земном шаре. В строении тела ее представителей заметно более точек соприкосновения с классом обезьян, чем в других расах... Наиболее слабую сторону черного индивидуума и черной расы составляет ум: на портретах всегда можно заметить слабое сокращение верхней орбитальной мышцы... [которая] является истинным от-

личием человека от животных, составляя специальную человеческую мышцу».

Не дай бог, чтобы об этом тексте узнали на родине чернокожего экс-президента США, явно неглупого Барака Обамы! Или активисты движения «Black Lives Matter» («Жизни черных важны»).

Но продолжим цитировать Ивана Алексеевича, его рассуждения о самом для него интересном – о русских и евреях.

«Русский народ и русский народный характер представляют собою одну из крупнейших величин, образовавшуюся на глазах истории... Между обеими расами (финской и славянской) установилось постепенное мирное смешение, которое и дало в результате русскую народность... Русский, впитав в себя финскую душу, получил через нее ту тягучесть и выдержку, ту устойчивость и силу воли, какой недоставало его предку славянину; а в свою очередь финн, под влиянием славянской крови, приобрел отзывчивость, подвижность и дар инициативы».

Вот так, несколькими предложениями, Иван Алексеевич разрешил проблему существования национального характера, которая не решена и сегодня, через 120 лет, да и вряд ли может быть решена вообще. Еще решительнее он пишет о евреях:

«Итак, основные психические свойства еврейской расы: 1) блестящий, острый, но не глубокий ум, 2) счастливая настойчивая воля и 3) недифференцированное чувство поло-

жило свою печать на... исторические судьбы избранного народа. Это решительнее всего выражается в еврейской расе отсутствием тоски по родине и легкой утратой родной речи... Евреи мало стремятся к территориальной концентрации, столь же мало склонны к созданию национального духа с самобытным языком, поэзией, литературой, искусством».

Это очень странные и элементарно неверные рассуждения. Конечно, Иван Алексеевич не дожил до образования государства Израиль, граждане которого героически отстаивают свою независимость вот уже более семидесяти лет. В течение всех предыдущих двух тысяч лет рассеяния евреи каждый Новый год отмечали фразой – следующий Новый год в Иерусалиме! Но не будем спорить с профессором Сикорским, разве что еще раз удивимся, как чрезвычайно образованный и эрудированный психиатр умудрился в своих рассуждениях о разных народах попадать пальцем в небо.

Иван Сикорский не только теоретически интересовался национальным вопросом. После поражения революции 1905–1907 годов, в результате которой в Киеве нарушилась нормальная университетская жизнь, убежденный монархист Иван Сикорский перешел к более активным действиям по защите «православия, самодержавия и народности» (формула большого патриота графа Уварова, отличавшегося кроме любви к родине еще и любовью к лицам одного с ним пола). Он вступил в Киевский клуб русских националистов и начал интенсивно сотрудничать с черносотенным Союзом рус-

ского народа. Отметим, что в те годы у монархистов слово «черносотенец» не носило отрицательного значения. Скорее наоборот.

Вот какую речь Сикорский произнес на собрании избирателей в Киевскую городскую думу: «На Киев смотрит вся Россия. Петербург никогда не имел значения руководителя национальной жизни России. Москва после 1905 года также утратила нравственный авторитет в глазах национально-русского общества. Значение центра русской национальной жизни начинает переходить к Киеву, и на киевлянах лежит высокий долг перед городом и родиной: мы должны укрепить возникшую здесь русскую твердыню. Пора нам сказать: мы – сыны великого народа, и здесь, в историческом Киеве, хозяева – мы! Городское управление матери городов русских должно быть русским. Вот почему на выборах мы должны идти твердо и прямо, никому не кланяясь и ни у кого не заискивая. Мы должны решительно сказать: мы – русские и Киев – наш. Я, как человек старый по сравнению с большинством присутствующих здесь, могу сказать одно: “Я вас благословляю! Идите смело и дружно и никому не уступайте своего первородства”... Состав нынешней думы надо решительно обновить. Необходимо поддержать на выборах купечество. Надо, чтобы Киев богател, но богател как национально-русский центр...»

Здесь мы подходим к важному моменту – отрицанию Иваном Алексеевичем Сикорским существования особой укра-

инской нации и вообще «украинства». Его знаменитая цитата из полемики с лидером украинства Михаилом Грушевским приводится во многих изданиях, посвященных этой проблеме: «От Архангельска до Таганрога и от Люблинского Холма до Саратова и Тамани живет одна и та же (в главных чертах) русская народность. Дробление на великоруссов, малороссов и белоруссов связано с несущественными и второстепенными, притом скорее лингвистическими, чем антропологическими особенностями, которые притом нередко и отсутствуют.

В малорусском (по Костомарову – южнорусском) населении – тот же племенной состав, что и в великорусском, с незначительным только перевесом славянского элемента над финским. Этим антропологически, то есть по своей породе и природе исчерпывается все русское население европейской России.

Украинцев здесь нет! Их нет ни в живущих экземплярах, ни в кладбищном населении: нет ни на земле, ни под землей. Поэтому, если за исходное основание для суждений и выводов взять физический состав населения, его породу и природу, то на Украине нет такого населения, которое обладает особой породой: здесь то же, что существует и за пределами Украины. Отсюда – естественный вывод, что “Украина” и “украинцы” – это термин скорее географический и политический, но не антропологический или этнический».

Соответственно, и украинского языка нет, по мнению Си-

корского-отца: «Сравнивая язык русский и украинский, легко усмотреть почти полное тождество психологии этих двух языков и лежащую в основе их совершенную близость душевных и умственных процессов, воззрений и приемов мысли. Это показывает с очевидностью, что русский и украинский языки – это не два языка, а один язык; в крайнем случае можно говорить о двух наречиях одного праязыка, но это было бы почти логической тавтологией. Различие между русским и украинским языками – не психологическое, а фонетическое или звуковое, следовательно, различие не внутреннее – глубокое, а внешнее – кажущееся: звуками они разнятся, но их психология тождественна».

Разумеется, ссылки на тождество какой-то неведомой «психологии» этих языков сейчас выглядят несерьезно, хотя и сегодня некоторые украинофобы называют украинский язык всего лишь диалектом русского.

Иван Сикорский считал, что русский литературный язык и южнорусская письменность сформировались на основе великорусского (северорусского) языка, а украинский (южнорусский) язык потерпел поражение в соревновании с ним. Но в этом, мол, нет ничего страшного, так как эти языки якобы очень близки.

И, разобравшись с антропологией и языкознанием, он делает окончательный вывод: «Этнографический термин “украинцы”, за отсутствием самого объекта, т. е. этнографически особого народа, не имеет основания существовать, а

обозначение территории именем “Украины” потеряло свою первоначальную административную надобность, а потому самый термин представляется бесполезным, подобно наименованию “Священной Римской империи” или “Московского государства”».

Поэтому он считал лишним не только термин «украинцы», но и другие дробления – «великоросс», «белорус», «малоросс», «южнорусс», которые с его точки зрения также лишены антропологического или этнического основания и представляют собой территориальные обозначения традиционного, но уже устаревшего типа. «Простое имя “русский” достаточно».

Но какими бы известными ни были научные достижения Ивана Алексеевича Сикорского в психиатрии, он навсегда остался в истории прежде всего как эксперт по делу Бейлиса.

Он был, несомненно, самым что ни на есть обыкновенным расистом, причем в его самом примитивном варианте – антисемитизме, и большим практиком, если можно так выразиться, этого вида человеконенавистнической идеологии. Отметим, что своих взглядов он никогда не скрывал, например еще в 1896 году напечатал статью «Физиогномия и психическое состояние пьяниц», в которой удивительным образом связал алкоголизм с расовой теорией. Иван Сикорский обратил внимание, что у нормально стоящего человека и глядящего строго горизонтально вперед, верхнее веко должно прикрывать значительный участок роговицы и почти

касаться линии зрачка. А поднятие века выше этого уровня следует считать патологическим. И сделал сноску следующего содержания: «У тех рас, которые обладают крупными глазами, напр. Семитов (волооких, по выражению Илиады), глаз менее прикрыт веками, нежели у других рас»¹.

Эта цитата с прописной «С» при «семитов» и без кавычек при Гомеровой «Илиаде» приведена по книге Вадима Менжулина «Другой Сикорский. Неудобные страницы истории психиатрии». Современному читателю будет немаловажно узнать, что текст этой статьи Ивана Сикорского на сайте современного Российского общества психиатров приведен *без* этой сноски. Строго говоря, это грубое нарушение авторских прав, но мы-то отлично понимаем, что таким образом Российское общество психиатров вознамерилось несколько обелить антисемита – надеюсь, читатель понял, какую «расу» имел в виду Сикорский.

Довольно странный вывод, особенно для психиатра Ивана Сикорского, профессионально работавшего со множеством пациентов. С чего это он решил, что евреи в большинстве своем алкоголики? Личные многолетние наблюдения автора, а также сведения из литературы подтверждают давно известный факт, что процент алкоголиков среди евреев ничуть не больше, чем среди обожаемых Иваном Сикорским русских или несуществующих для него украинцев. Скорее даже

¹ Цит. по: Менжулин В. Другой Сикорский. Неудобные страницы истории психиатрии. Киев: Сфера, 2004.

намного меньше – видели ли вы на просторах нашей родины, на полках в магазинах *запыленные* бутылки недорогой водки, которую мало кто покупает? Я не видел. А в Израиле – сколько угодно, и самое удивительное, что там перестают пить даже эмигранты из России. По крайней мере, пить так, как они пили в России.

Но обратимся наконец к делу Бейлиса, которое стало высшим достижением Сикорского-отца в области теоретического антисемитизма. Теоретического потому, что в еврейских погромах на Украине он, разумеется, не участвовал. И даже более того: публично осудил зачинщиков и участников киевского еврейского погрома 1905 года, случившегося вскоре после подписания Манифеста императора от 17 октября.

Итак, знаменитое дело Бейлиса – суд над мещанином Менахемом Бейлисом по обвинению его в убийстве двенадцатилетнего мальчика Андрея Ющинского, происходивший в Киеве в 1913 году. Этого русского мальчика, учившегося тогда в начальном классе Киево-Софийского духовного училища, нашли зарезанным в какой-то пещере в лесу недалеко от завода, на котором работал этот Менахем Бейлис.

Ладно бы убил, дело страшное, но обычное в любое время, но в ходе следствия появилась версия, что убийство мальчика было не просто бытовым или с целью грабежа, а ритуальным. То есть евреям якобы потребовалась кровь христианского младенца для приготовления национального еврейского блюда – мацы, пресного хлеба, который только и

может быть употреблен в пищу на Пасху. Следователи сразу же обратили внимание, что труп, действительно найденный незадолго до еврейской Пасхи, был практически обескровлен. Но почему-то не учли тот факт, что убийца нанес мальчику множество колотых и резаных ран, вследствие чего он просто истек кровью.

Дело прогремело на всю Россию, обвинение было поддержано высшими должностными лицами империи, в том числе министром юстиции Иваном Щегловитовым, и даже Николаем II.

Психиатрическую экспертизу было поручено проводить Ивану Алексеевичу Сикорскому, который активно поддержал версию обвинения, а заодно еще раз, пользуясь удобным случаем, раскрыл все секреты иудеев, стремящихся уничтожить русский народ и веру православную. К чести тогдашних церковных иерархов, они не высказывались против Бейлиса и вообще не комментировали мифы о ритуальных убийствах для изготовления пресных лепешек.

Полагаю, потому, что они-то как раз читали Ветхий Завет и комментарии к нему, из которых следует, что «кровавый навет» – особо нелепое обвинение против евреев. В рецептуре мацы четко указывается, что никаких, *вообще никаких* ингредиентов, помимо муки и воды, при приготовлении теста быть категорически не должно! Не то что крови, но даже соли и сахара. Вот цитата из ветхозаветной книги Исход: «И испекли они из теста, которое вынесли из Египта, пресные

лепешки, ибо оно еще не вскисло, потому что они выгнаны были из Египта и не могли медлить, и даже пищи не приготовили себе на дорогу». Насчет «не могли медлить»: авторитетные еврейские кулинары утверждают, что для приготовления мацы требуется ровно 18 минут.

Иван Сикорский в своей экспертизе по сути дела показал только, что преступление совершено не сумасшедшими, а психически здоровыми людьми и с явно ритуальными целями. И явно евреями, и, следовательно, Бейлис вполне мог его совершить, причем не один, а в компании еще человек четырех. Сама экспертная часть занимала в его выступлении весьма малый объем, в основном он распространялся о мерзостях иудейства. Вот цитата из стенографического отчета:

«Можно с уверенностью сказать, что эти убийства не прекратятся, пока не прекратятся противосудебные агитации со стороны расы, которая питает в своей среде изуверов и в то же самое время со своей стороны не может принять меры к освобождению нас от них. Как все замалчивается, утаивается, скрывается. Думают, ребенок заблудился. Но бывает так, что ребенок исчез, а его находят мертвым, исколотым и обескровленным. Сейчас же начинается особого рода агитация. Направляется подозрение то против родных, то против единоверцев его, то против единоплеменников, против христиан вообще, а в последнее время и обвинение против национальной партии страны. В этом, в этой агитации, принимают участие как евреи данной страны, так и евреи иностранные».

В защиту Бейлиса выступила вся либеральная общественность, многие писатели (Блок, Горький, Мережковский, Короленко и другие), цвет адвокатуры и даже видные и открытые антисемиты типа Василия Шульгина. Последний, например, заявил, что он противник «еврейского засилья», но он еще и порядочный человек и не дурак и отлично видит, что дело шито белыми нитками. Депутат Государственной думы Василий Шульгин считал, что топорная и провокационная работа следственных органов лишь наносит вред справедливому делу антисемитизма². Психиатры же назвали экспертизу Ивана Сикорского позором своей науки. Критика его экспертного заключения, вполне справедливая критика, вскоре переросла в «настоящую травлю пожилого профессора со стороны либеральной прессы», как пишут другие антисемиты. Точно так же пишут они и сейчас. Например, Т. Кальченко (сайт hrono.ru – «Хронос. Всемирная история в интернете»):

«Сикорский подтвердил свою репутацию беспристрастного ученого и бесстрашного русского патриота в ходе расследования обстоятельств убийства Андрея Ющинского. Несмотря на травлю и угрозы он не побоялся подтвердить своим авторитетом заключение о ритуальном характере убийства христианского мальчика. Его экспертиза во многом повлияла на вынесение вердикта присяжными о ритуальном

² Тогда и этот термин не имел отрицательного значения. – *Здесь и далее примечания автора.*

характере убийства. Его оценки были точными и определенными: “Убийство А. Ющинского было совершено не душевнобольными, а лицами, привыкшими к убою животных, с целью, быть может, расовой мстительности, а еще вернее – в виде религиозного акта”. Более того, он предлагал рассматривать ритуальное убийство А. Ющинского в контексте особенностей национального облика еврейского народа: “Евреи вносили свою долю участия во все культуры, и тем не менее ни одна не создана и не проникнута их духом... Ренан говорит, что у евреев как расы вообще нет призвания ни к науке, ни к искусству, за исключением музыки... Самобытное национальное творчество Израиля как будто совершенно угасло и стало искать себе вдохновения в национальных идеалах тех народов, с которыми Израиль сожительствует. Еврейские талантливые и одаренные натуры в России (Левитан, Антокольский) изображали чуждую им высшую жизнь, собственно же еврейская душа не находит в них для себя отражения. Возвышенно-пламенных речей Исайи и глубокого лиризма Иеремии не дает позднейшая литература избранного народа... Наиболее острым ребром в палестинском характере выступает отсутствие идеализма и вытекающая из того простота и вульгарность натуры”».

Вот так в статье Т. Кальченко был совершенно напрасно процитирован Иван Алексеевич, который в свою очередь зазря процитировал восхитительные по своей нелепости тексты знаменитого историка христианства и семитоло-

га позапрошлого века Эрнста Ренана. Ну ладно, Ренану в его XIX веке многого было знать не дано, а Иван Алексеевич своих антисемитских взглядов в общем-то особенно и не скрывал, но кто в нашем XXI веке будет рыться в архивах в поисках оригиналов Сикорского-отца? А благодаря Т. Кальченко нам преподнесены на блюдечке – на современном интернет-сайте – эти далеко не самые удачные высказывания Ивана Алексеевича, к тому же и полностью абсурдные. Я не собираюсь здесь заниматься филосемитизмом, а просто напомним читателю всего несколько имен: Альберт Эйнштейн и Сергей Брин (это из области науки), Марк Шагал и Амедео Модильяни (искусство). Это к словам Ренана о науке и искусстве евреев. Можно еще добавить, что из почти девяти сот лауреатов Нобелевской премии за все годы ее существования по всем номинациям – около двухсот евреев. Это 22,2 процента, что ровно в 100 раз (!) превышает процент евреев в населении планеты.

Итак, Иван Алексеевич очевидным образом (никаких доказательств вины Бейлиса не было вовсе!) поставил собственные политические пристрастия выше истины, чем серьезно подорвал свою научную репутацию. В общем, дело Бейлиса провалилось, так что особое удивление вызывает вздорное высказывание Т. Кальченко о вердикте присяжных. Все было ровно наоборот! Присяжные, в большинстве своем простые крестьяне, оправдали Бейлиса, уже два года сидевшего в тюрьме.

К сожалению, мы не знаем, как относился Игорь Иванович к экспертному заключению отца и его выступлению на суде. Но вообще-то это важный момент в биографии Сикорского-сына: родиться и воспитываться в семье известного антисемита и видеть, как отца высмеивают и презирают лучшие люди страны, вероятно, очень больно. Впрочем, кое-что нам все-таки известно: сын был убежденным монархистом, верующим православным, написавшим несколько книг по истории христианства с толкованием христианских молитв и ритуалов. О православных книгах Игоря Сикорского мы еще поговорим, а сейчас вернемся к его детским и юношеским годам.

Глава 3

Годы ученичества

Первым учебным заведением Игоря Сикорского была знаменитая, лучшая в Киеве и вообще на юге России Первая киевская гимназия. Это образовательное учреждение заслуживает отдельного рассказа.

Гимназия была основана Александром I в 1809 году: император преобразовал в гимназию Главное народное пятиклассное училище и в 1811 году приравнял ее к высшим учебным заведениям империи. В 1852 году для гимназии было построено новое здание в стиле классицизма. После революции 1917 года эта гимназия, которая к своему столетию в 1911 году стала именоваться Императорской Александровской гимназией, была закрыта. Сейчас в здании гимназии располагается Гуманитарный корпус Киевского университета имени Тараса Шевченко (так называемый Желтый корпус, а главный корпус университета называется Красным корпусом).

Одним из преподавателей гимназии был знаменитый историк Николай Костомаров, в здании располагалась также казенная квартира великого хирурга Николая Пирогова. Выпускниками гимназии были будущий советский нарком просвещения Анатолий Луначарский, уже упоминавшийся нами

политический деятель Василий Шульгин, знаменитый писатель Михаил Булгаков, генетик Николай Тимофеев-Ресовский, будущий академик биолог Иван Шмальгаузен, историк и будущий академик Евгений Тарле и печально известный убийца Столыпина анархист Дмитрий Богров.

Одновременно с Игорем Сикорским в 1902 году в гимназии учился будущий прекрасный писатель Константин Паустовский. Любопытно, что в год столетия гимназии (1911) ее собирались переименовать в лицей, что некоторым образом повышало престиж учебного заведения, однако как раз в это время выпускник гимназии Богров убил Столыпина, и переименование сочли неуместным.

Константин Паустовский подробно описал гимназический быт, а Михаил Булгаков перенес в Первую киевскую гимназию сцену прощания полковника Малышева в романе «Белая гвардия». И в пьесе «Дни Турбиных».

Как видим, Игорь Сикорский учился в отличном учебном заведении и вообще еще в подростковом возрасте попал в хорошую компанию. Затем ему предстояло проявить себя в Санкт-Петербурге, где четырнадцатилетним юношей он был принят в престижный, основанный еще Петром I (под другим названием) Морской кадетский корпус. Этот корпус не сделал из него моряка, хотя полученные там знания и практические занятия на кораблях пригодились будущему авиатору: много позже он сконструировал несколько типов самолетов-амфибий, причем лучших в мире.

Скажем немного и об этом выдающемся учебном заведении.

После объединения основанной Петром I московской Навигацкой школы, Морской академии и Гардемаринской роты на базе Морской академии по указу императрицы Елизаветы Петровны в 1752 году был создан Морской кадетский шляхетский корпус (только для шляхты, то есть для дворян). Пережив несколько переездов и переименований, корпус завершил первый период своего существования в 1918 году под названием Морское училище. Для поступления в училище требовалось сдать экзамены, причем у детей морских военных чинов было преимущество.

Однако стать гардемаринком или мичманом Сикорскому не довелось, он понял, что военно-морская служба – это не его. Теоретический курс он завершил не без блеска, но решил поступать куда-нибудь «на инженера». Шел 1906 год, Игорю Ивановичу исполнялось уже 17 лет, а поступать фактически было некуда: в Киеве послереволюционный разброд и шатания (в столице Киевской губернии первая русская революция протекала особенно бурно и кроваво), высшие технические учреждения практически не действовали. Вместо лекций и семинаров студенты посещали исключительно митинги против царского режима.

Первая русская революция 1905–1907 годов началась с расстрела 9 января 1905 года мирной демонстрации рабочих Санкт-Петербурга, которые в количестве около 150 ты-

сяч человек двинулись к Зимнему дворцу, намереваясь вручить императору Николаю II «Петицию о рабочих нуждах». Считается, что в это Кровавое воскресенье было убито около двухсот человек и до восьмисот ранено.

После 9 января в России поднялась волна забастовок, в том числе на железных дорогах, на множестве фабрик и заводов Риги, Санкт-Петербурга, Варшавы, Москвы и Киева. В Киеве, в частности, уже 12 января забастовали рабочие машиностроительных заводов Гретеера, Кривавенко, Южно-Российского и других.

После бунта на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и восстания в Лодзи царь издал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Манифест даровал неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов. Однако крайне левые партии не удовлетворились этим, и зимой начались вооруженные восстания в Москве, Екатеринославе, Харькове, подавленные полицией и войсками. К тому же в 1904 году начался революционный террор, и к 1907 году было убито более девяти тысяч чиновников самого различного ранга, в том числе генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович и министр внутренних дел Плеве.

Завершением революции можно считать роспуск Государственной думы 3 июня 1907 года.

Но границы в те годы были открыты, наш герой сел на поезд и поехал в Париж, в Техническую школу Дювиньо

де Ланнуа³ – в то время Франция была фактическим центром авиастроения. Он пробыл там несколько месяцев, познакомился и подружился со многими теоретиками авиастроения и инженерами. Казалось бы, Париж, центр мира и лучшие учебные заведения, а оказалось, что уровень преподавания там совсем невысокий.

В 1907 году беспорядки в институтах России прекратились, Игорь Сикорский вернулся на родину и поступил в Киевский политехнический институт, крупнейшее высшее учебное заведение на Украине.

Сейчас это Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт имени И. И. Сикорского». В официальном сообщении о присвоении имени Сикорского этому бывшему институту очаровательным канцеляритом сказано следующее:

«Министерство образования и науки Украины переименовало Национальный технический университет Киевский политехнический институт и присвоило ему имя его бывшего выпускника авиаконструктора И. И. Сикорского». Указ от 17 августа 2016 года подписан министром Лилией Гриневич: «Принять предложение Национального технического университета Украины “Киевский политехнический институт” о присвоении Национальному техническому университету Украины “Киевский политехнический университет”»

³ Чаще пишут «де Ланно», но правильное все-таки де Ланнуа (Duvignau de Lanneau). Город Ланнуа находится на севере Франции.

имени И. И. Сикорского и далее именовать его Национальный технический университет Украины “Киевский политехнический институт имени И. И. Сикорского”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.